

9 ноября 2008 Мария Бабалова

Он русский, это многое объясняет

В рамках XV фестиваля "Арт-ноябрь" наш первый баритон Дмитрий Хворостовский наконец-то спел в Москве не в стадионно-микрофонном формате (о котором напоминало лишь отсутствие фрака либо смокинга), но исполнил строгую камерную программу из русской романсовой классики. Намеком на светскую пафосность вечера были лишь запредельные цены на билеты

В рамках XV фестиваля "Арт-ноябрь" наш первый баритон Дмитрий Хворостовский наконец-то спел в Москве не в стадионно-микрофонном формате (о котором напоминало лишь отсутствие фрака либо смокинга), но исполнил строгую камерную программу из русской романсовой классики. Намеком на светскую пафосность вечера были лишь запредельные цены на билеты - до сорока тысяч рублей. Это, впрочем, аншлагу не помешало.

Сегодня время Хворостовского - на вес золота. За него голосуют контрактами лучшие оперные дома планеты. Мы же привыкли к тому, что лучшие оперные голоса России нечасто появляются дома - даже с гастрольями. Опера там, опера здесь. Но хотя Хворостовский давно стал гражданином мира, он все равно остается русским певцом.

Программа, представленная в Большом зале Московской консерватории, есть квинтэссенция этой русскости высшей пробы. Романсы Чайковского и Рахманинова - из стартового багажа Хворостовского. То, с чего он начинал свой путь ко всеобщему признанию. Но считается, что русские романсы - удел людей с жизненным опытом. И, перешагнув сорокапятiletний рубеж, Дмитрий Хворостовский, похоже, решил проверить данное утверждение. Прибавил к хорошо знакомым опусам несколько новых для себя романсов Метнера и выступил в редком для оперной мегазвезды жанре вокальной миниатюры. В Петербурге эту программу слышали немного раньше - летом, на фестивале "Белые ночи".

С поставленной задачей Дмитрий Хворостовский справился блестяще. По большей части спетые романсы оказались образцом того, как в начале XXI века нужно исполнять русскую вокальную лирику. Лишь изредка предательски

выпадало поэтическое слово, и тогда певец становился соавтором Пушкина или Алексея К. Толстого. Пение Хворостовского - редкое сочетание отшлифованной на западный манер вокальной школы, где смакуется каждая кульминационная нота и обязательна графическая точность фразировки, с русской задушевностью, пусть и скуповатой на внешние проявления. А равные по мягкости и красоте голоса вряд ли сегодня найдутся. Эталон русского баритонового пения - он как им был, так и остался. Голос Хворостовского хорошо обрамлял строгий, иногда суховатый аккомпанемент эстонского пианиста Ивари Илия.

Любопытно, но Хворостовский нарочито пренебрегает устоявшимися исполнительскими правилами и, например, шлягерную "Серенаду Дон Жуана" Чайковского "прячет" в середине программы, а не подает как беспроектный бис. И завершает программу так же неожиданно - "Весенними водами" Рахманинова, надолго оставляя звучать пронзительную финальную ноту.

Публика внимала певцу с благодарностью и даже с каким-то изумлением. Наверное, ей хотелось побольше актерства и страстности, к чему мы привыкли, наблюдая за более популярными и масштабными проектами певца - такими, как "Дмитрий Хворостовский & Friends". Следующая серия которого, кстати, состоится 16 декабря в Кремле - в дуэте со знаменитым на весь мир немецким тенором Йонасом Кауфманом. Но тут Хворостовский, по-прежнему недоступный нашей публике в оперном, преимущественно вердиевском, репертуаре (за этим надо отправляться в Лондон, Париж или Нью-Йорк), остается непреклонным. Не реагирует на крики из зала с мольбой исполнить коронную "Ноченьку" а сарелла. Но великодушно ставит финальную точку неаполитанским шлягером Тальяферри - Валенте "Страсть".